

В НОМЕРЕ

ЦИФРОВЫЕ ФИНАНСОВЫЕ АКТИВЫ И ЦИФРОВАЯ ВАЛЮТА	Л. А. НОВОСЕЛОВА <i>О запрете использования криптовалют в Законе о цифровых финансовых активах . . . . .</i>	3
КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО	Н. В. КОЗЛОВА, С. Ю. ФИЛИППОВА <i>Правовой режим доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью. . . . .</i>	9
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ	М. А. РОЖКОВА, О. В. ИСАЕВА <i>Понятие «технология» в контексте российского права . . . . .</i>	21
	Н. В. ЩЕРБАК <i>Телеология коллективного управления авторскими и смежными правами: генезис и структура правоотношения . . . . .</i>	30
ТОЧКА ЗРЕНИЯ	Э. П. ГАВРИЛОВ <i>В российском авторском праве идеи не охраняются. . . . .</i>	46
ВОПРОСЫ СТРАХОВАНИЯ	С. В. ДЕДИКОВ <i>Информационные обязанности страховщика . . . . .</i>	49
ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ	М. А. ЛЕДЕНЁВА <i>Самовольная постройка: законодательные изменения и практика их применения . . . . .</i>	75
ПРАВО ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ	А. А. АЛЕКСЕЙЧУК <i>О правовых аспектах использования технологий: fintech и wealthtech . . . . .</i>	92
НАСЛЕДСТВЕННОЕ ПРАВО	Е. А. ХОДЫРЕВА <i>Правовая природа наследственного договора . . . . .</i>	101
	Е. Ф. ЕВСЕЕВ <i>О тайне завещания . . . . .</i>	114

НАСЛЕДСТВЕННОЕ ПРАВО

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА НАСЛЕДСТВЕННОГО ДОГОВОРА

АННОТАЦИЯ

Определение правовой природы наследственного договора вызывает ряд вопросов, ответы на которые позволят уяснить особенности его правовой регламентации. Несмотря на то, что речь идет о договоре, применение его в сфере посмертных отношений наследственного преемства нивелирует обязательственно-правовую природу и наряду с иными специфическими признаками позволяет отнести к числу организационных соглашений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: договор; завещание; совместное завещание; обязательство; право наследования; организационные отношения.

ABSTRACT

A number of questions are raised by the definition of the legal nature of the inheritance contract, the answers to which will allow us to understand the features of its legal regulation. Despite the fact that we are talking about a contract, its applicability to posthumous relations of hereditary succession levels its legal nature and, along with other specific features, allows it to be classified as an organizational agreement.

KEY WORDS: contract; will; joint will; obligation; right of inheritance; organizational relations.

Наследственный договор как новое для российского законодательства правовое явление не может не вызвать интереса, прежде всего, с точки зрения своей правовой природы. Безусловно, такой договор предоставляет новые возможности субъектам гражданских правоотношений и расширяет договорную свободу в наследственном праве. Как и любой гражданско-правовой договор, наследственный договор есть соглашение двух или более лиц. Но будет ли данное соглашение соглашением об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей, как это следует из п. 1 ст. 420 ГК РФ? Станет ли такой договор обязательственно-правовым соглашением? Эти и некоторые другие вопросы должны получить разрешение после определения правовой природы наследственного договора.

Законодательно установлено, что наследственный договор — это соглашение, условия которого определяют круг наследников и порядок перехода прав на имущество наследодателя после его смерти к пережившим наследодателя сторонам договора или к пережившим третьим лицам, которые могут призываться к наследованию (п. 1 ст. 1140¹ ГК РФ). Значит, наследственный договор, как и завещание, призван указать на преемника умершего в совокупности оставленных наследодателем правоотношений, что и составляет его существо как посмертного наследственного распоряжения. Именно это наиважнейшее обстоятельство (посмертный характер распоряжения) предопределяет необходимость регламентации отношений, связанных с заключением и исполнением наследственных договоров нормами о наследовании, и подчеркивает невозможность распространения на возникающие отношения положений об обязательствах и гражданско-правовых договорах, за исключением тех, которые не будут противоречить существу рассматриваемых отношений. Например,

условие о наследнике, с кем заключается договор или в чью пользу он заключен и указание на передаваемые наследникам объекты можно назвать существенными условиями наследственного договора, при отсутствии которых договор в принципе не может быть заключен и нотариально удостоверен. Но невозможно эти условия рассматривать сквозь призму обычного гражданско-правового договора. Так, применительно к наследственному договору исключается ситуация, при которой договор был бы полностью или частично исполнен при отсутствии существенного условия с применением правил п. 3 ст. 432 Кодекса, что уже означает неприменимость в этой части положений ГК РФ о договорах.

Помимо основных, так называемых существенных условий, образующих содержание наследственного договора, стороны могут включить в него дополнительные условия, которые будут обременять наследника обязанностью совершить действия имущественного или неимущественного характера в пользу наследодателя или третьего лица (передать вещь, выполнить работу, оказать услугу и т.п.). В таком случае речь идет о включении в наследственный договор обязательств, исполнение которых *de jure* должно осуществляться в соответствии с нормами об обязательствах и их исполнении. На вопрос о том, будет ли это влиять на определение правовой природы наследственного договора, ответим далее.

Попытаемся обозначить теории, которые могли бы объяснить сущность наследственного договора (определив одну из наиболее вероятных): теория обязательственного соглашения, теория вещного договора, теория завещания, теория совместного завещания, теория *sui generis* (уникальной правовой природы).

Теория обязательственного соглашения как одна из самых распространенных, поскольку объясняет суть любого гражданско-правового договора, порождающего возникновение обязательства, окажется неприменимой в нашем случае. Наследственный договор как основание наследования не создает обязательства, исполнение которого всегда предполагает взаимодействие двух сторон – должника и кредитора. Как отмечал Ф. К. Савиньи, обязательство состоит в господстве над одиночными действиями чужого лица [1, с. 48]. Именно в обязательстве усматривается необходимость должника подчиниться требованиям управомоченного субъекта и исполнить принятую на себя обязанность. При рассмотрении через призму существа обязательства становится очевидным, что наследственный договор не связывает две стороны в тот промежуток времени, к которому одновременно могли бы относиться действия наследодателя и наследника. Как указал С. В. Сарбаш, «действия сторон в обязательстве следуют одно за другим, взаимозависимы, направлены на достижение общего фактического результата» [2, с. 65]. Более того, чтобы стало возможным потребовать исполнения обязательства, обеспечивая господство одного субъекта над другим, требуется признак наличности, то есть физического существования субъектов, а наследственный договор как сделка *mortis causa* связывает волеизъявление наследодателя и наследника в единый акт без обязательства прижизненного исполнения.

Однако, как уже было отмечено, в силу п. 1 ст. 1140¹ ГК РФ помимо порядка перехода имущества на случай смерти наследственный договор может возлагать на наследников обязанность по совершению каких-либо не противоречащих закону действий имущественного или неимущественного характера, исполняемых при жизни наследодателя в пользу него самого или обозначенных наследодателем лиц (например, по содержанию наследодателя, по оказанию транспортных услуг), что можно считать отличительной особенностью наследственного договора в сравнении с завещанием, в том числе совместным. А обязанность одного лица (должника) совершить определенное действие в пользу другого лица (кредитора) есть обязательство (п. 1 ст. 307 ГК РФ), значит, наследственный договор в этом случае становится основанием возникновения обязательственного правоотношения. Возникшее прижизненное обязательство всегда будет носить односторонний характер, в котором наследодатель – кредитор, управомоченное лицо, а наследник – должник, обязанное лицо.

Конкретного перечня совершаемых действий законом не установлено, что предоставляет сторонам право самостоятельно определить характер и предмет обязанности. Следовательно, если считать, что наследственный договор порождает обязательственные отношения, то как раз в части тех обязанностей, которые должны исполняться наследником при жизни наследодателя в его пользу или в пользу третьих лиц. Такая ситуация порождает дополнительный вопрос: распространяются ли нормы обязательственного права на исполнение прижизненного обязательства, включенного в наследственный договор (например, в части оснований прекращения, особенностей исполнения)? Так, по законодательству Германии нормы об обязательствах неприменимы в связи с особой правовой природой договора о наследовании, даже если обязательство исполняется ненадлежащим образом или не исполняется [3].

В п. 4 ст. 1140¹ ГК РФ указано на неотчуждаемость и непередаваемость прав и обязанностей, возникших из договора, что подчеркивает личный характер обязательства, порожденного наследственным договором. Поэтому неприменимыми оказываются нормы Кодекса об исполнении за счет должника (ст. 397), о привлечении третьих лиц к исполнению обязательства (ст. 313) и другие. Казалось бы, нет объективных препятствий к тому, чтобы не применять иные нормы об обязательствах (например, в части прекращения обязательства невозможностью исполнения или предоставлением отступного).

Включение в наследственный договор обязательства не меняет правовой природы договора в целом, поскольку его исполнение будет осуществляться после открытия наследства, а значит, за рамками обязательно-правовых отношений.

Прекращение обязательства, установленного наследственным договором, надлежащим исполнением, прощением долга и по иным основаниям не прекращает действие наследственного договора в части определения судьбы наследственного имущества и не влияет на реализацию наследником права наследования после смерти наследодателя. Возможна лишь обратная ситуация, когда вследствие реализации наследодателем или наследником права

на расторжение договора или на односторонний отказ от наследственного договора прекратится его действие, что автоматически повлечет прекращение обязательствных правоотношений, возникших из наследственного договора. Более того, неисполнение наследником обязанностей в рамках возникших обязательственных отношений может повлиять на желание наследодателя изменить, расторгнуть договор или заявить об одностороннем отказе от договора.

Теория вещного договора, разработанная немецкими правоведом на основе римских источников, на законодательном уровне не нашла закрепления в ГК РФ. В то время как в Германии вещный договор отграничен в силу принципа абстрактности от обязательственного договора и «регулируется нормами вещного права», в силу чего «предписания обязательственного права» «на него не распространяются» [4, с. 58]. Теория вещного договора по-разному была воспринята российской правовой доктриной и нашла свое широкое применение при обосновании правовой природы реального договора дарения. В свое время еще В. И. Синайский говорил о том, что «дарение не отнесено к обязательству по договорам», это способ «приобретения права на имущество» [5, с. 358-359].

Если следовать концепции вещного договора, которому присуще «отсутствие разрыва во времени между заключением договора и возникновением порожденного им вещного права» [6], понятно, что непосредственно с фактом заключения наследственного договора не связано возникновение права собственности у наследников. Его возникновение будет приурочено к моменту открытия наследства благодаря акту принятия наследства, которому придана обратная сила действия. Вручения вещи во исполнение наследственного договора не происходит до момента наступления юридических фактов, влекущих возникновение у наследников права наследования.

Более того, наследственный договор направлен не только на передачу вещи или их совокупности. Как основание наследования он имеет целью определить универсального преемника умершего гражданина во всей совокупности переходящих прав и обязанностей, находящихся за пределами понятия «вещь». Вследствие принятия наследства по договору у наследника могут возникнуть не только вещные права, как это предопределено концепцией «вещного договора», но и иные права и обязанности, вытекающие из обязательственных, исключительных, корпоративных правоотношений. Таким образом, с помощью теории «вещного договора» невозможно объяснить сущность наследственного договора.

Теория завещания, как объясняющая сущность наследственного договора, не может быть применена ввиду наличия в нем иных существенных признаков. Завещание, в отличие от договора, односторонняя сделка, не нуждающаяся в восприятии других лиц [7, с. 331-332] и не предполагающая согласование волеизъявлений наследодателя и наследника. Завещание как сделка совершается единолично завещателем, который в одностороннем порядке определяет судьбу своего имущества на случай смерти. Попытки отойти от одностороннего характера завещания как сделки [8] представляются несостоятельными по ряду причин, изучение которых не является целью настоящей работы.

Наследственный же договор есть соглашение наследодателя с наследником (наследниками), для заключения которого обязательно выражение воли каждой из сторон такой сделки. Вследствие чего договор рассматривается в качестве двусторонней или многосторонней сделки, что не мешает появлению множественности лиц на какой-либо стороне. Множественность на стороне наследодателя возможна только для супругов, которые выбрали этот вид наследственного распоряжения. Множественность на стороне наследников присутствует тогда, когда два и более наследника одновременно выражают согласие стать потенциальными правопреемниками наследодателя в отношении одного и того же объекта наследования (например, два наследника по договору получают по 1/2 доли в праве собственности на квартиру). Если же два и более наследника получают право на разные объекты наследования, преследуя свой самостоятельный интерес в данной сделке, тогда имеет место наличность не двух, а более сторон договора (например, одному наследнику – квартира, другому – земельный участок. Вместе с наследодателем сторон договора окажется уже три и договор будет носить многосторонний характер). Таким образом, «в отличие от двусторонней сделки с множественностью лиц на одной стороне, в многосторонней сделке каждый из участников выступает самостоятельной стороной и отражает индивидуальную волю» [9].

Можно ли с помощью **теории совместного завещания** объяснить сущность наследственного договора? Для начала необходимо выяснить, что представляет собой совместное завещание с точки зрения его правовой природы. Сохраняет ли оно признаки односторонней сделки как классическое завещание? П. В. Крашенинников говорит о согласованности воли супругов в совместном завещании [10]. Но свидетельствует ли согласованность воли супругов о двустороннем характере совместного завещания как сделки (п. 3 ст. 154 ГК РФ)? Стороной сделки при совершении совместного завещания выступают супруги как лица, которые определяют наследников своего имущества и направляют волеизъявление к тем, кого они желают видеть в качестве правопреемников. Именно для правопреемников наследодателя, наделенных правом получения имущества умершего гражданина, возникают определенные правовые последствия, обусловленные фактом совершения завещания. Как единое, так и совместное завещание предоставляют управомоченному лицу (наследодателю) «возможность распоряжаться своими субъективными правами» без согласования такого акта выражения воли с лицами, наделенными правом получения имущества после открытия наследства, вследствие чего оно содержит в себе признаки односторонней сделки.

Даже если наследниками определены супруги после смерти друг друга, в совместном завещании они обозначают свою волю как наследодатели, придя к взаимному согласию лишь по поводу того, кто станет наследником после смерти каждого из них. Согласие принять наследство наследник-супруг не выражает в момент составления совместного завещания, а раз не появляется стороны, воспринимающей волеизъявление наследодателя, то признаки односторонней сделки в совместном завещании сохраняются.

В обоснование сущности совместного завещания не подходит концепция двусторонней сделки, несмотря на то, что именно она (двусторонняя сделка) предполагает согласование волеизъявлений двух сторон. Можно ли исходить из того, что каждый из супругов становится самостоятельной стороной совместного завещания как сделки? Если согласованность воли сторон в двусторонней сделке определять как построение «по модели жесткой синаллагмы, то есть по принципу «ты – мне, я – тебе» [11], в совместном завещании согласованы волеизъявления только супругов-наследодателей. Встречным по отношению к наследодателю можно считать лишь волеизъявление наследника, которое при желании будет выражено позже, не в момент изъявления воли наследодателем, а после открытия наследства. Причем согласие или несогласие наследника не влияет на факт признания сделки заключенной. Значит, совместное завещание, в котором фиксируется волеизъявление только наследодателя и не выражается встречное намерение наследника, не может рассматриваться в качестве двусторонней сделки.

Даже если исходить из того, что встречный характер намерений «не является безусловно необходимым предположением соглашения» и двусторонняя сделка выражает параллельную волю участников, направленную к единой цели [12, с. 30]¹, совместное завещание все равно не может быть отнесено к их числу. Цель совершения совместного завещания как сделки не будет достигнута благодаря только акту выражения воли двух наследодателей. Для этого нужна та сторона (наследник), которая воспримет волю умершего и выразит согласие на приобретение наследственного имущества, в то время как двусторонняя сделка даже при параллельности воли участников нуждается в восприятии каждой стороны. А поскольку волеизъявление наследника в совместном завещании отсутствует, оно не может быть квалифицировано в качестве двусторонней сделки. Каждый из супругов-наследодателей формирует свою волю свободно и выражает ее независимо от наследников, участие которых в совершении совместного завещания не требуется. Наследодатель и наследники не действуют в одном направлении, их интересы оформляются отдельными не совпадающими по времени сделками, а значит, с помощью разных правовых инструментов.

В силу изложенного у супругов как у наследодателей, составляющих совместное завещание, есть согласованное волеизъявление, обращенное к наследнику, что дает основание совместное завещание считать односторонней сделкой, но со множественностью лиц на стороне завещателя.

К. Б. Ярошенко ставит под сомнение совершение завещаний со множественностью лиц на стороне завещателя, так как это «не соответствовало бы характеру завещания как односторонней сделки». Одновременно автор пишет, что для совершения односторонней сделки «имеет значение только воля одной стороны (завещателя). Согласие лиц, в пользу которых совершается

---

¹ Объединение волеизъявлений «многих людей, преследующих одну цель» в гражданском праве Японии считают признаком достаточным и необходимым для выделения отдельной группы объединенных, согласованных сделок [13].

завещание, не имеет никакого значения как при составлении завещания, так и при его изменении или отмене» [14]. Но и при совершении, изменении или отмене совместного завещания также не требуется согласия лиц, обозначенных в качестве наследников в таком завещании. Следовательно, односторонний характер совместного завещания как сделки сохраняется, несмотря на множественность лиц на стороне завещателя.

В пользу одностороннего характера совместного завещания свидетельствует и тот факт, что двусторонние сделки как основанные на соглашении сторон по общему правилу изменяемы или расторгаемы по соглашению сторон, чего не наблюдается в отношении совместного завещания, которое может быть изменено или отменено волеизъявлением одного из супругов.

Образует ли согласованная воля супругов в совместном завещании единое волеизъявление или такое завещание содержит два самостоятельных волеизъявления, воплощенных в двух односторонних сделках? Если предположить самостоятельный и независимый характер акта выражения воли за каждым из супругов, это означало бы возможность изменения или отмены супругом только своего волеизъявления. Исходя же из норм ГК РФ каждый из супругов вправе изменить или отменить совместное завещание без учета воли другого супруга, что подтверждает довод о формировании не двух, а единого волеизъявления в одной сделке. Более того, основанием для недействительности совместного завещания в целом может стать дефект воли не обоих, а одного из супругов, что, с одной стороны, свидетельствует о недействительности только его волеизъявления, но с другой стороны, дефект воли одного супруга влияет на действительность сделки в целом.

Таким образом, совместное завещание как единое согласованное волеизъявление двух супругов есть односторонняя сделка со множественностью лиц на стороне наследодателя, с помощью которой невозможно обосновать существо наследственного договора.

Теория *sui generis* (уникальной правовой природы) — одна из основных, детально проработанных еще немецкими юристами XVIII–XIX веков (Иоганн-Христиан Гассе и Карл Георг Кристоф Безелер), поддерживаемая современной доктриной права Германии. Такой взгляд на правовую природу договора о наследовании считали устоявшимся и дореволюционные юристы России [15, с. 89]. Наиболее значимые аргументы, приводимые в пользу обозначенной теории: 1) Erbvertrag (наследственный договор) не представляет собой договора отчуждения в смысле переноса права собственности; 2) Erbvertrag не рассматривается как договорная сделка с обязательствами [16]. Эти аргументы действительно еще раз подчеркивают неприменимость теории вещного и обязательственного договора. Но можно ли наследственный договор считать договором особой правовой природы? И порождает ли наследственный договор какие-либо правоотношения?

Предусмотренные наследственным договором права и обязанности возникают после открытия наследства, за исключением обязанностей, которые могут возникнуть до открытия наследства. Именно такое правило установлено

в п. 6 ст. 1118 ГК РФ. Под теми обязанностями, которые могут возникнуть до открытия наследства, понимаются обязательства, необходимость прижизненного исполнения которых определена наследодателем в наследственном договоре. Тезис о том, что до открытия наследства «никаких правовых последствий» не возникает, доктринально был ранее известен применительно к завещанию [17, с. 15]. Но если договор не вызывает возникновения прав и обязанностей при жизни наследодателя, то каким образом можно изменять или расторгать то, что еще не возникло? Понятия «изменение» и «расторжение» применимы к заключенному, действительному и действующему договору. Изменение или расторжение могут происходить в силу различных оснований и осуществляются они с той целью, чтобы произвести изменения в правовой сфере лиц, заключивших договор (наследодателя и наследников), и лиц, в чью пользу договор был заключен. Если исходить из того, что права и обязанности не возникали при заключении наследственного договора, тогда не было бы необходимости в их пересмотре на предмет изменения или отмены. Это наводит на мысль о существовании прав и обязанностей сторон по наследственному договору еще до открытия наследства.

При определении договора как соглашения двух или более лиц, направленного на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей (п. 1 ст. 420 ГК РФ), очевидно, что такими лицами, которые приходят к соглашению относительно посмертной судьбы имущества, выступают наследодатель, с одной стороны, и наследники — с другой. Наследодатель заключает наследственный договор с целью наделения наследника, в нем обозначенного, правом получить имущество после своей смерти, ввиду чего такому договору присущ управомочивающий характер, сближающий его с завещанием. Совершая указанную сделку, наследодатель одновременно распоряжается принадлежащими ему правами, что подчеркивает распорядительный характер данной сделки, вновь сближающий его с завещанием. Но если при составлении завещания, в том числе совместного, наследник не участвует в совершении такой сделки, не изъявляет своей воли, то при заключении наследственного договора воля наследника отражается и является корреспективной воле наследодателя.

Общеизвестно, что договор является основанием возникновения обязательств, но «обязательство — лишь одно из многих возможных юридических последствий, на достижение которых могут направляться договоры» [18], поскольку «договор используется в самых различных сферах общественной жизни», вследствие чего становится универсальным основанием «возникновения правовых отношений его участников» [19, с. 171]. Так, «на основании корпоративного договора устанавливается... опосредованное регулирование корпоративных отношений — отношений между участником корпорации и самой корпорацией» [20], с трудовым договором связано возникновение трудового правоотношения.

В ст. 8 ГК РФ определено, что из договора могут возникать гражданские права и обязанности, характер которых будет зависеть от той цели, которую

преследуют участники, заключая договор. Договор как соглашение двух и более лиц представляет собой лишь инструмент согласования нескольких различных волей, объединяя их в единый акт. Это способ достижения компромисса, согласия между различными участниками, влекущий правовые последствия. Заключая договор, стороны желают получить определенный правовой эффект, который будет основан на возникновении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей. Таким образом, любой договор связывает его участников, предоставляя возможность реализации прав, не обязательно существующих в форме обязательственного соглашения. Проблема признания «договора без обязательств на всем протяжении его существования или по крайней мере в течение значительного срока действия договора» отмечена К. И. Скловским [21] как одна из основных в доктрине права.

Влечет ли наследственный договор возникновение какого-либо правоотношения, не являющегося обязательственным? Состояние связанности присуще наследственному договору, поскольку наследодатель, выражая свою волю, имеет намерение наделить указанное им лицо правом по вступлению в совокупность тех правоотношений, которые после его смерти окажутся без субъекта, их носителя. Намерение, желание заменить собой наследодателя явно обозначается и со стороны наследника, согласившегося заключить наследственный договор. Тем самым между наследодателем и наследником возникает определенное взаимодействие, преследующее цель достижения в будущем некоего правового результата, который наступит при отсутствии одного из участников (наследодателя).

При этом действия любой из сторон наследственного договора взаимно согласованы, поскольку «каждый из участников совершает действия, которые осознанно признает или даже одобряет другой участник» [22, с. 345]. «Состояние связанности правами и обязанностями, в рамках которого члены общества цивилизованно и разумно осуществляют свои частные интересы» обусловлено как раз наличием правового отношения между участниками [23, с. 6]. Поэтому можно предположить, что между наследодателем и наследником возникает правоотношение, направленное на упорядочение их социального взаимодействия. Возникшее из наследственного договора правоотношение не является вещным или обязательственным, о чем было сказано ранее. Его нельзя отнести к числу иных имущественных отношений из-за своеобразия предмета договора, в качестве которого не выступают материальные блага, имеющие экономическую форму товара. Невозможно признать его и личным неимущественным отношением, поскольку «своеобразие личных неимущественных отношений состоит в том, что их субъекты находятся в состоянии постоянной, непрерывной реализации своих личных неимущественных прав» [24], таких как право на жизнь, право на здоровье, право на честь, достоинство и т.п.

Участники наследственного договора наделяются правами, реализация ряда из которых отложена до момента открытия наследства, а сам договор не направлен на непосредственное его исполнение, так как служит лишь одним из необходимых юридических фактов, повлекших наряду с открытием

наследства и принятием наследства возникновение у наследника прав на имущество умершего гражданина. Как построенное на началах координации и направленное на упорядочение взаимосвязей в процессе реализации «собственной инициативы», возникшее между наследодателем и наследником отношение, основанием появления которого стал наследственный договор, может быть отнесено к числу организационных отношений, содержание его «складывается из действий организационных, направленных на упорядочение (нормализацию) «организуемых» отношений» [25, с. 162].

Впервые высказанная О. А. Красавчиковым мысль о необходимости выделения организационных отношений нашла своих сторонников (например, В. П. Мозолин [26], Е. В. Вавилин [27, с. 34], В. А. Лаптев [28], Н. В. Козлова [29]) и противников (например, О. С. Иоффе [30, с. 96]). До сегодняшнего дня нет единого подхода к сущности организационных отношений. Есть авторы, признающие за организационными отношениями обязательственный характер [31], но есть и те, которые, не ограничиваясь сферой обязательственного права, говорят о проникновении указанных отношений во все подотрасли гражданского права [32].

Организационный характер ряда гражданских правоотношений подчеркивается и в судебной практике. Например, по одному из дел суд указал, что генеральное соглашение об открытии кредитной линии может быть отнесено к договорам организационного характера, так как оно определяет лишь общие условия правоотношений сторон. Непосредственная цель такого рамочного (организационного) договора — организация и упорядочение потока однородных имущественных отношений между одними и теми же участниками кредитных правоотношений. Особыми видами динамических организационных отношений являются обязательства из предварительных, рамочных и опционных договоров, направленные на возникновение в будущем иных обязательственных отношений². В другом споре предметом договора паевого взноса как предполагающего участие пайщика в строительстве многоквартирного дома были признаны организационные отношения³. Не экономический, а организационный характер спорных правоотношений усмотрел суд при рассмотрении требования о признании недействительным решения общего собрания членов ТСЖ⁴. Или договор о передаче полномочий по управлению исключительными правами имеет в качестве своей цели и объекта регулирования организационные отношения⁵.

Необходимыми признаками организационных отношений, по мнению М. А. Егоровой, являются: 1) отсутствие в их содержании материального объекта; 2) отсутствие явно выраженных обязанной и управомоченной сторон; 3) отсутствие встречного предоставления, что означает безвозмездный

² Решение Чеховского городского суда (Московская область) от 26.06.2019 по делу № 2-227/2019 // URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 01.03.2020).

³ См., например: решение Всеволожского городского суда (Ленинградская область) от 13.08.2019 по делу № 2-5954/2019; решение Невского районного суда Санкт-Петербурга от 18.06.2019 по делу № 2-3813/2019 // URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 01.03.2020).

⁴ Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 19.09.2011 № 07АП-7682/11 по делу № А45-11096/2011.

⁵ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 06.06.2019 № Ф05-7756/2019 по делу № А40-13376/2017.

характер; 4) двух- или многосторонний характер [33]. Организационный характер наследственного договора проявляется в том, что в нем отсутствует какой-либо материальный объект, так как его предметом служит не конкретное имущество, а право наследования, которым наделяется наследник. Если право наследования рассматривать как право заступить на место умершего в совокупности правоотношений, тогда именно с момента заключения наследственного договора становится видна личность преемников умершего гражданина (хотя и предположительно с учетом риска изменения, отмены, оспаривания наследственного договора, отказа от договора или отказа от наследства). Наследодатель, вступая во взаимодействие с наследниками по договору, выделяет их из массы всех остальных субъектов, которые уже, возможно, не станут преемниками умершего, и поэтому у обозначенных наследодателем лиц возникает право наследования еще при его жизни.

Возникшее у наследника по договору право свидетельствует о том, что он становится управомоченным лицом. Но в наследственном договоре нет явно выраженных сторон, которые были бы наделены правами и обязанностями по отношению друг к другу, что влечет невозможность противопоставления прав одной стороны обязанностям другой. Наличие у наследника права наследования без корреспондирующей ему обязанности со стороны наследодателя предопределяет безвозмездный характер договора и невозможность встречного предоставления.

Цель существования организационных отношений, порождаемых наследственным договором, — вызвать возникновение наследственных, то есть имущественных, правоотношений, реализуемых уже без участия наследодателя ввиду отсутствия у него правосубъектности, утраченной по случаю смерти или объявления умершим. Организационные правоотношения в рамках наследственного договора носят предпосылочный характер, поскольку предоставление наследнику права наследования по договору дает возможность стать преемником умершего и сам факт заключения договора будет являться необходимым юридическим действием для замены наследодателя в совокупности оставленных им правоотношений.

Можно ли предположить, что наследственный договор вообще не вызывает какого-либо правоотношения? Как указывает М. А. Рожкова, «наличие правоотношения является безусловной предпосылкой для осуществления всяких действий по защите прав, а отсутствие правоотношения в этом случае препятствует наступлению юридических последствий» [34]. Право наследования, возникшее из наследственного договора, может стать предметом защиты при рассмотрении таких требований, как признание договора недействительным, изменение или расторжение договора. Тот факт, что между договаривающимися сторонами по договору о наследовании возникают правовые отношения, не отрицается и зарубежной доктриной права [35].

Следовательно, если правовую природу наследственного договора можно обосновать с помощью теории организационных отношений, теория договора *sui generis* оказывается также неприменимой.

Если наследственный договор порождает организационные отношения, то и сам договор будет отнесен к числу организационных. Несмотря на спорность обособления организационных отношений в предмете гражданского права, категория «организационных договоров» в науке получила большее признание [36; 37]. В отличие от ряда организационных договоров (например, предварительный, рамочный) наследственный договор не предполагает необходимости для сторон заключить в будущем основной договор. Он уже связывает намерения сторон, хотя и рассчитан на реализацию наследником, указанным в договоре, права наследования в будущем. Тем самым наследственный договор как порождающий право наследования есть соглашение двух или нескольких лиц об установлении этого права.

Но стоит обратить внимание, что наследственный договор помимо организационных, предпосылочных отношений может вызвать возникновение обязательственных правоотношений, если по условиям договора на наследника будет возложена обязанность по совершению определенных действий имущественного или неимущественного характера при жизни наследодателя в его пользу или в пользу обозначенных им третьих лиц.

Таким образом, наследственный договор, будучи организационным договором, определяющим особенности наследственного преемства, по ряду признаков не вписывается в систему традиционных гражданско-правовых договоров с распространением на него норм обязательственного, в том числе договорного, права. Если в обязательственных правоотношениях основная цель субъектов состоит в получении желаемого результата, достигнутого благодаря поведению должника и кредитора, то основная цель наследственного договора реализуется не посредством взаимодействия наследодателя и наследников, а через возможное выражение намерения одним и его возможное восприятие другим, отдаленные друг от друга по времени. Поэтому специфика наследственного договора как вида посмертного распоряжения предполагает его регулирование нормами о наследовании, что, однако, не отрицает субсидиарного применения ряда норм об обязательствах и договорах, применение которых должно быть предопределено сущностью договора и санкционировано положениями части третьей ГК РФ. Представляется необходимым закрепить законодательное решение о том, что к наследственному договору не применяются положения разделов II и III, если иное не установлено правилами раздела V Гражданского кодекса РФ.

Е. А. ХОДЫРЕВА,

доцент,

доцент кафедры гражданского права

Удмуртского государственного университета,

кандидат юридических наук

Библиографический список

1. Савинь Ф. К. Обязательственное право. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004.
2. Сарбаш С. В. Исполнение договорного обязательства. – М.: Статут, 2005.

3. Erbvertrag – Rechtslexikon. URL: <http://www.rechtslexikon.net/d/erbvertrag/erbvertrag.htm> (дата обращения: 16.02.2020).
4. Василевская Л. Ю. Учение о вещных сделках по германскому праву. – М.: Статут, 2004.
5. Синайский В. И. Русское гражданское право. – М.: Статут, 2002.
6. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Кн. 1: Общие положения. 3-е изд., стереотипное. – М.: Статут, 2001.
7. Черепахин Б. Б. Труды по гражданскому праву. – М.: Статут, 2001.
8. Сараев А. Г. О правовой природе завещания // *Наследственное право*. 2013. № 2.
9. Бакаева И. В. Сделки как основная форма участия в гражданском обороте // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2019. № 7.
10. Крашенинников П. В. Наследственное право (Включая наследственные фонды, наследственные договоры и совместные завещания). – М.: Статут, 2019.
11. Степанов Д. И. Свобода договора и многосторонние сделки (договоры): сб. статей «Свобода договора» / А. А. Амангельды, В. А. Белов, А. А. Богустов и др.; отв. ред. М. А. Рожкова. – М.: Статут, 2016.
12. Новицкий И. Б. Сделки. Исковая давность. – М.: Гос. изд-во юридической литературы, 1954.
13. Сравнительное правоведение: национальные правовые системы. Т. 3: Правовые системы Азии / В. Ю. Артемов, Н. М. Бевеликова, Р. Г. Газизова и др.; под ред. В. И. Лафитского. – М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2013.
14. Комментарий к части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный) / Г. Е. Авилов, М. М. Богуславский, А. Ф. Ефимов и др.; под ред. А. Л. Маковского, Е. А. Суханова. – М.: Юристъ, 2002.
15. Курдиновский В. И. Договоры о праве наследования / Записки Новороссийского университета Юридического факультета / Под ред. А. П. Доброклонского. Вып. 9. – Одесса: тип. «Техник», 1912.
16. Erbvertrag. URL: <http://www.rechtslexikon.net/d/erbvertrag/erbvertrag.htm> (дата обращения: 08.02.2020).
17. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть третья (постатейный) / Отв. ред. Л. П. Ануфриева. – М.: Волтерс Клувер, 2004.
18. Белов В. А. К вопросу о соотношении понятий обязательства и договора // *Вестник гражданского права*. 2007. № 4.
19. Красавчиков О. А. Гражданско-правовой договор: понятие, содержание и функции // *Антология уральской цивилистики. 1925–1989: сб. статей*. – М.: Статут, 2001.
20. Бородин В. Г. Гражданско-правовое регулирование корпоративного договора в российском праве: монография. – М.: Юстициформ, 2017.
21. Склоцкий К. И. О соотношении договора и обязательства // *Вестник гражданского права*. 2013. № 4.
22. Basin Yu.G. Selected Works in Civil Law. St. Petersburg: Yuridichesky Center Press, 2003.
23. Чеговадзе Л. А. Структура и состояние гражданского правоотношения. – М.: Статут, 2004.
24. Андреев Ю. Н. Личные неимущественные отношения как предмет гражданского права // *Антология научной мысли: К 10-летию Российской академии правосудия: сб. статей / Отв. ред. В. В. Ершов, Н. А. Тузов*. – М.: Статут, 2008.
25. Красавчиков О. А. Гражданские организационно-правовые отношения // *Антология уральской цивилистики. 1925–1989: сб. статей*. – М.: Статут, 2001.
26. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой: в 3 т. (постатейный). Т. 1 / Т. Е. Абова, З. С. Беляева, Е. Н. Гендзехадзе и др.; под ред. Т. Е. Абовой, А. Ю. Кабалкина. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт-Издат, 2007.
27. Вавилин Е. В. Осуществление и защита гражданских прав. – М.: Волтерс Клувер, 2009.
28. Лаптев В. А. Корпоративное право: правовая организация корпоративных систем. – М.: Проспект, 2019.
29. Козлова Е. Б. Организационные договоры: понятие и классификация // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2011. № 5.
30. Иоффе О. С. Развитие цивилистической мысли в СССР. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1975. Ч. 1.
31. Егорова М. А. Критерии систематизации организационных отношений в современном гражданском обороте // *Гражданское право*. 2013. № 3.
32. Сергеева Е. С. Квалификация организационных отношений в предмете гражданского права // *Российская юстиция*. 2016. № 4.
33. Егорова М. А. Организационное отношение и организационные сделки в гражданско-правовом регулировании // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2011. № 5. С. 10-21. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.02.2020).
34. Рожкова М. Юридические факты в гражданском праве // *Приложение к журналу «Хозяйство и право»*. 2006. № 7.
35. Weiß Nathalie. Der Erbvertrag // URL: <http://www.juraindividuell.de/artikel/der-erbvertrag/> (дата обращения: 05.03.2020).
36. Тюрина С. А. Договор как регулятор организационных отношений в российском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. – М., 2012.
37. Подузова Е. Б. Организационный договор и его виды: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. – М., 2012.